

очередь передает эту власть другим странам и народам.¹ И. Н. Жданов прямо нигде не формулирует своего мнения об идейном смысле цикла сказаний и повестей о Вавилоне граде, но по косвенным данным видно, что он не соглашался с точкой зрения А. Н. Веселовского. Остановившись подробно на „знамениях“, приносимых из Вавилона, он пишет: „Только в русских повестях и сказках речь идет о царских инсигниях. Это дает основание предполагать, что упоминание о вавилонском венце не представляет существенной, исконной подробности рассматриваемого круга сказаний“.² Само собой разумеется, что этим самым И. Н. Жданов отрицал „отражение византийского политического миро-созерцания“ в цикле сказаний и повестей о Вавилоне граде.

Но эти „несогласия“ и „споры“ были несогласиями и спорами между представителями одной и той же „школы“, опиравшимися на одни и те же порочные методологические принципы компаративизма. Поэтому-то, расходясь в частностях, А. Н. Веселовский и И. Н. Жданов сходились в главном — в признании византийского происхождения сказаний и повестей о Вавилоне граде. В угоду этому они отрицали наличие в первоначальном тексте центрального произведения цикла — „Сказания о Вавилоне граде“ — упоминания о „русине“, которое будто бы было позднейшей глоссой, попавшей в текст „Сказания“ на русской почве. И. Н. Жданов не остановился и перед тем, чтобы отрицать упоминание в этом круге сказаний и о царских инсигниях. Согласно основным принципам сравнительно-исторического метода, они создали „теорию“ о „путях перехода“ этих будто бы византийских произведений на Русь. Они ввели в научный оборот неправильную классификацию произведений рассматриваемого цикла, в конце затемнившую вопрос о времени их происхождения: классификацию, опирающуюся на ничем не оправдываемое следование за развитием сюжетной линии всего этого круга сказаний и повестей, а не на хронологию их возникновения.

Обо всем этом можно было бы сейчас и не говорить, но дело в том, что взгляды Пыпина—Веселовского—Жданова по этому вопросу еще сохраняются в нашей науке вплоть до настоящего дня.³

3

Не только дореволюционные ученые, но и советские авторы, говоря о сказаниях и повестях о Вавилоне граде, не опирались на данные текстологического изучения их в связи с русской исторической действительностью XV—XVII веков — временем наиболее интенсивного распространения этих произведений. А между тем изучение всей массы рукописей сказаний и повестей о Вавилоне граде и текстологический анализ их могли бы прояснить ряд вопросов литературной жизни произведений этого цикла.

Учтем прежде всего то, что из всех произведений рассматриваемого цикла наибольшим числом списков представлено „Сказание о Вавилоне граде“. На его долю приходится около одной трети всех списков. Кроме этого, „Сказание“ входит в большинство сводных

¹ А. Н. Веселовский. Отрывки византийского эпоса в русском, стр. 163, 164, 165.

² И. Н. Жданов. Русский былевой эпос, стр. 37.

³ Наш взгляд на „Сказание“ см.: Известия Отделения литературы и языка АН СССР, т. VII, вып. 3, 1948, стр. 197—199.